Дата поступления рукописи в редакцию: 19.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 27.05.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-5-166-174

ВОЛЧЕНКО Анастасия Владимировна,

к.ю.н., старший преподаватель кафедры уголовного процесса Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина,

e-mail: espy207@yandex.ru

ШЕЛЯКИН Алексей Васильевич,

старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин факультета подготовки следователей ФГКОУВО «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева»,

e-mail: aleksei9492@mail.ru

МЕДИЙНОЕ ОСВЕЩЕНИЕ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА РЕАЛИЗАЦИЮ ПРИНЦИПА ПРЕЗУМПЦИИ НЕВИНОВНОСТИ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Аннотация. *В статье исследуется влияние медийного освещения коррупционных преступлений на реализацию принципа презумпции невиновности в российском уголовном праве и уголовном судопроизводстве. Исследуется конституционная и процессуальная природа презумпции невиновности, распространяющаяся не только на судебное доказывание, но и на публичные коммуникации государства и иных субъектов, формирующих социальный контекст доказывания. Доказано, что в делах коррупционной направленности риск подмены процессуальной истины медийной версией события объективно выше вследствие устойчивого общественного запроса на публичную демонстрацию антикоррупционных мер, институционализированного в государственных программно-плановых документах.*

На основании анализа действующих нормативных правовых актов, выявлены ключевые правовые дефициты: отсутствие в УПК РФ самостоятельного режима публичного информирования о ходе расследования; недостаточная определенность границ допустимых формулировок в официальных сообщениях; слабая применимость уголовно-правового запрета разглашения данных предварительного расследования к утечкам, инициируемым либо опосредуемым должностными лицами; отсутствие процессуальных средств оперативной нейтрализации репутационного ущерба при последующей реабилитации.

По результатам анализа материалов официальной судебной статистики показано, что по основным составам взяточничества доля оправданных лиц является минимальной, что усиливает в медийной среде тенденцию воспринимать факт сообщения о преследовании как эквивалент виновности, хотя юридически это недопустимо.

Предложена концепция принципа процессуально коммуникативной нейтральности публичных сообщений о коррупционных делах, включающая разработку комплекса мер: введение в УПК РФ нормы о публичном информировании с закреплением нейтрального стандарта языка и запретов на доказательственную экспозицию до приговора; модификацию ст. 310 УК РФ путем выделения квалифицированного состава для должностных лиц, осуществляющих разглашение данных предварительного расследования, или инициирующих его; создание процессуального механизма коммуникативной реабилитации для случаев прекращения уголовного дела по реабилитирующим основаниям или оправдания.

Ключевые слова: *презумпция невиновности; коррупционные преступления; медийное освещение; публичные заявления должностных лиц; разглашение данных предварительного расследования; реабилитация; официальные коммуникации.*

VOLCHENKO Anastasia Vladimirovna,

Ph.D., Senior Lecturer, Department of Criminal Procedure, Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal

Affairs of Russia named after I.D. Putilin

SHELYAKIN Alexey Vasilievich,

Senior Lecturer, Department of Civil Law Disciplines, Faculty of Training of Investigators, FGKOUVO "Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation named after A.Ya. Sukharev"

MEDIA COVERAGE OF CORRUPTION OFFENSES AND ITS IMPACT ON THE IMPLEMENTATION OF THE PRESUMPTION OF INNOCENCE IN RUSSIAN CRIMINAL LAW

Annotation. *The article examines the impact of media coverage of corruption crimes on the implementation of the principle of presumption of innocence in Russian criminal law and criminal proceedings. The article examines the constitutional and procedural nature of the presumption of innocence, which extends not only to judicial evidence, but also to public communications between the state and other entities that form the social context of evidence. It is proved that in corruption-related cases, the risk of substituting the procedural truth for the media version of the event is objectively higher due to the sustained public demand for a public demonstration of anti-corruption measures, institutionalized in government policy and planning documents.*

Based on the analysis of current regulatory legal acts, key legal deficiencies have been identified: the absence of an independent public information regime in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation on the progress of the investigation; insufficient certainty of the boundaries of permissible formulations in official communications; weak applicability of the criminal law prohibition on disclosure of preliminary investigation data to leaks initiated or mediated by officials; lack of procedural means for operational neutralization of reputational damage during subsequent rehabilitation.

According to the results of the analysis of official judicial statistics, it is shown that the proportion of acquitted persons is minimal for the main types of bribery, which reinforces the tendency in the media environment to perceive the fact of reporting harassment as equivalent to guilt, although this is legally unacceptable.

The concept of the principle of procedural and communicative neutrality of public communications on corruption cases is proposed, including the development of a set of measures: the introduction of norms on public information in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation with the establishment of a neutral standard of language and prohibitions on evidentiary exposure before sentencing; modification of Article 310 of the Criminal Code by allocating qualified personnel for officials who disclose preliminary investigation data or initiate it; creation of a procedural mechanism for communicative rehabilitation in cases of termination of a criminal case on rehabilitative grounds or justification.

Key words: *presumption of innocence; corruption crimes; media coverage; public statements by officials; disclosure of preliminary investigation data; rehabilitation; official communications.*

Введение

Презумпция невиновности закреплена как конституционный принцип: согласно ст. 49 Конституции РФ, лицо считается невиновным, пока его виновность не доказана в предусмотренном законом порядке и не установлена вступившим в законную силу приговором суда. В уголовном судопроизводстве данный принцип конкретизирован в ст. 14 УПК РФ, в том числе через запрет основывать обвинительный приговор на предположениях и через распределение бремени доказывания на стороне обвинения.

Одновременно конституционная свобода мысли и слова, а также право свободно искать, получать, производить и распространять информацию формируют нормативный контур публичности и гласности, в рамках которого действуют средства массовой информации и иные информационные посредники, что прямо предусмотрено ст. 29 Конституции РФ, ст. 1 Закона РФ от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации», ст. 3 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

Следовательно, поднятая в настоящей статье проблема, связанная с медийным освещением коррупционных преступлений и его влиянием на реализацию принципа презумпции невиновности, не сводится к вопросам ограничения средств массовой информации (далее – СМИ), а заключается в нахождении юридически точного баланса между публичным

интересом и защитой статуса лица как невиновного до приговора.

В сфере противодействия коррупции публичность приобретает программно-политическое измерение: государственные документы стратегического и планового характера ориентируют органы власти на активность, измеримость результатов и публичную отчетность антикоррупционной политики, что прямо проистекает из положений Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», а также Указа Президента РФ от 16.08.2021 № 478 «Об утверждении Национального плана противодействия коррупции на 2021-2024 годы». В результате складывается устойчивая практика, при которой сообщения о задержаниях, предъявлении обвинений, избрании меры пресечения и иных процессуальных решениях по коррупционным делам становятся самостоятельным медийным событием и зачастую подаются в контексте «доказанности» либо «изобличения», хотя в действительности речь может идти лишь о стадии подозрения или обвинения [3, с. 59-60; 8, с. 51].

Дополнительную сложность создает цифровая среда: информация о «коррупционном скандале» сохраняется и воспроизводится путем репостов и агрегирования, формируя длительный репутационный след, который не всегда компенсируется последующим оправданием или прекращением уголовного дела по реабилитирующим основаниям. При этом действующее регулирование концентрируется либо на запрете разглашения данных предварительного расследования (ст. 161 УПК РФ), либо на ответственности за разглашение таких данных (ст. 310 УК РФ), но слабо конкретизирует правила допустимого официального информирования как самостоятельный правовой институт [7, с. 115; 11, с. 212-214; 18, с. 570].

Таким образом, тема медийного освещения коррупционных преступлений обладает самостоятельной научной и практической значимостью, поскольку находится на стыке уголовно-правовой политики противодействия коррупции, уголовно-процессуальных гарантий прав личности и современных цифровых механизмов распространения социально значимой информации.

Актуальность исследования обусловлена:

устойчивой значимостью дел коррупционной направленности для судебной практики, что подтверждается ведением и публикацией Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации специальных массивов судебной статистики за 2024 г. и 1 полугодие 2025 г. [21];

спецификой цифровизации, в условиях которой сведения о расследуемых коррупционных деяниях распространяются существенно быстрее, чем разрешается сам уголовно-правовой конфликт в процессуальной форме, вследствие чего возрастает риск преждевременного формирования в публичной сфере представления о виновности лица до вступления обвинительного приговора в законную силу;

актуальной необходимостью согласования презумпции невиновности, гласности и баланса публичных и частных интересов, однако применительно к коррупционным делам данное соотношение приобретает повышенную конфликтность именно под воздействием медийного фактора.

Степень научной разработанности темы исследования

В последние пять лет исследуемая проблематика разрабатывалась преимущественно по трем направлениям.

Первое направление образуют исследования, посвященные содержанию презумпции невиновности и процессуальным гарантиям ее реализации [11; 17; 20].

Второе направление составляют труды, раскрывающие природу гласности уголовного судопроизводства, пределы открытости судебного разбирательства, баланс публичных и частных интересов, а также влияние цифровизации на права участников уголовного судопроизводства [4; 10; 12;13].

Третье направление представлено работами, посвященными понятию коррупционного преступления, структуре коррупционной преступности, криминологическим характеристикам коррупционных практик и особенностям расследования дел данной категории [14; 15; 19; 22].

Вместе с тем комплексная разработка вопроса о том, каким образом именно медийное освещение коррупционных преступлений воздействует на реализацию принципа презумпции невиновности в российском праве, носит фрагментарный характер. Имеющиеся исследования, как правило, анализируют либо презумпцию невиновности вне антикоррупционного контекста, либо коррупционные преступления без специального выделения медийного фактора.

Следовательно, сохраняется самостоятельная научная ниша, связанная с комплексным анализом пределов допустимого публичного информирования о коррупционных уголовных делах и его влияния на процессуальный

статус лица.

Цель и задачи исследования

Цель исследования состоит в выработке целостного уголовно-правового и уголовно-процессуального подхода к оценке влияния медийного освещения коррупционных преступлений на реализацию принципа презумпции невиновности в российском праве, а также в формулировании предложений по совершенствованию законодательства и официальной правоприменительной коммуникации.

Для достижения поставленной цели в статье решаются следующие задачи:

раскрыть нормативные основания презумпции невиновности и пределы публичности;

определить особенности коррупционных преступлений как объекта медийного освещения;

выявить ключевые проблемы правоприменения и регулирования;

разработать концепцию процессуально коммуникативной нейтральности и предложения по совершенствованию законодательства

Использованные методы исследования

Методологическую основу исследования составили диалектический, формально-юридический, системно-структурный, сравнительно-правовой, статистический методы, а также методы анализа, синтеза, доктринальной интерпретации и правового моделирования.

Краткое резюме полученных результатов

В результате исследования выявлен нормативно-доктринальный разрыв между сравнительно детальной регламентацией гласности судебного разбирательства и недостаточной урегулированностью официального информирования о коррупционных делах на досудебной стадии.

Обосновано, что именно в данной плоскости формируется наибольший риск подмены процессуальной презумпции невиновности публичной презумпцией виновности.

Медийное освещение коррупционных преступлений рассматривается как самостоятельный фактор, способный оказывать системное влияние на реализацию презумпции невиновности в российском уголовном судопроизводстве.

По итогам исследования предлагается:

закрепить единые требования к официальным сообщениям правоохранительных органов и судов по делам коррупционной направленности;

нормативно обязать указывать процессуальный статус лица и стадию производства по делу;

исключить из официальных сообщений формулировки, предрешающие вывод о виновности;

предусмотреть механизм оперативной коррекции или опровержения официально распространенных сведений, нарушающих презумпцию невиновности;

рассмотреть вопрос о дополнении уголовно-процессуального регулирования специальными требованиями к публичной коммуникации по резонансным коррупционным делам

Представление результатов

Нормативные основания презумпции невиновности и пределы публичности

Презумпция невиновности в российской модели имеет как минимум три юридически значимых измерения:

доказательственное: виновность устанавливается судом по результатам рассмотрения доказательств, а не вследствие публичного мнения (ст. 49 Конституции РФ и ст. 14 УПК РФ);

процессуально-статусное: подозреваемый и обвиняемый обладают правом не доказывать свою невиновность, а сомнения толкуются в их пользу (ч. 2 и ч. 3 ст. 49 Конституции РФ и ч. 2 и ч. 3 ст. 14 УПК РФ УПК РФ);

коммуникативное: государственные органы и должностные лица при обеспечении гласности не должны формировать утверждение о виновности до приговора; нарушение презумпции возможно через публичные выступления и официальные сообщения, если они содержат смысловую квалификацию лица как виновного [8, с. 51].

В международной правовой доктрине и практике Европейского Суда по правам человека (далее – ЕСПЧ) подход к коммуникационному аспекту презумпции невиновности сформулирован как запрет на заявления публичных властей, которые представляют лицо виновным до судебного решения; при этом нарушение может исходить не только от суда, но и от иных публичных органов [2]. С учетом того, что Российская Федерация перестала быть стороной Европейской конвенции о правах человека с 16 сентября 2022 г. [16], применимость стандартов ЕСПЧ в национальном правопорядке требует аккуратного разграничения по времени событий; вместе с тем сама логика запрета «предрешающих» заявлений сохраняет значение как сравнительно-правовой и доктринальный ориентир для обеспечения конституционной презумпции.

Российское законодательство устанавливает отдельные барьеры против преждевременной «медиа-верификации» обвинения. Данные предварительного

расследования не подлежат разглашению, за исключением случаев, предусмотренных законодательством. Уголовно-правовой запрет разглашения данных предварительного расследования закреплен в ст. 310 УК РФ, при этом диспозиция связана с признаком предупреждения лица о недопустимости разглашения. Нормы информационного законодательства и законодательства о персональных данных устанавливают дополнительные рамки допустимого распространения сведений о частной жизни, идентификаторов и иных данных, позволяющих прямо или косвенно определить личность (ст. ст. 9 и 15.5 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», ст. ст. 7-10 Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных»).

Однако совокупность этих норм не образует цельного процессуального института публичного информирования: отсутствуют единые критерии того, какая информация может официально сообщаться до приговора, в какой форме и с какими обязательными предупреждениями, а также какие последствия наступают при нарушении нейтральности официальной коммуникации.

Специфика коррупционных преступлений как объекта медийного освещения

Коррупционные преступления в правоприменительной и статистической плоскости выделяются через специальные перечни статей УК РФ, используемые при формировании статистической отчетности; обновленные перечни утверждаются совместными указаниями Генеральной прокуратуры РФ и Министерства внутренних дел РФ [1]. Такой подход институционализирует коррупционную направленность преступлений как категорию учета и одновременно подчеркивает публичную значимость соответствующих дел.

Высокая публичная значимость влечет два юридически разнонаправленных эффекта.

С одной стороны, публичность способствует профилактике и общему предупреждению преступлений, укрепляет доверие к государству при условии корректного информирования и соблюдения нейтрального языка. Указанное соответствует целям противодействия коррупции как комплексной государственной политики.

С другой стороны, коррупционные дела чаще становятся объектом демонстративного правоприменения: публикуются сообщения о задержаниях, видеоматериалы, фрагменты оперативно-розыскных мероприятий, сведения о суммах и предметах возможной взятки, что формирует у аудитории устойчивую когнитивную установку на виновность. В условиях цифровой среды такая установка закрепляется через повторяемость заголовков и вторичное цитирование, а затем начинает выполнять функцию фактического «внесудебного приговора» (в социальном, но не юридическом смысле), что несовместимо с конституционной формулой презумпции невиновности.

Следует подчеркнуть, что нарушение презумпции невиновности в медийном измерении не обязательно предполагает прямую фразу «он виновен». Достаточно такой конструкции сообщения, которая в совокупности фактических и оценочных элементов создает у адресата однозначный вывод о доказанности виновности (например, использование терминов «взяточник», «преступник», «изобличен», «получал взятки», без указания на стадию уголовного судопроизводства и без формулы о том, что приговор не вступил в силу). Научные источники, анализирующие публичные выступления должностных лиц и взаимодействие судебной власти с медиа, фиксируют именно эту проблему «неявной предрешенности» [6, с. 51; 8, с. 51-52].

Ключевые проблемы правоприменения и регулирования

1) Проблема нейтральности официального языка и «обвинительного словаря»

В УПК РФ отсутствует императивный стандарт лексической нейтральности публичных сообщений о подозрении и/или обвинении. В отсутствие такого стандарта формируется практика, при которой пресс-релизы и публичные комментарии нередко используют оценочные конструкции, фактически предрешающие виновность. Научные исследования, посвященные публичным выступлениям должностных лиц и информационному взаимодействию с медиа, указывают на риск подмены гласности пропагандой обвинения и на необходимость нормативного разграничения информирования и квалификации виновности [3, с. 60; 8, с. 54-55].

2) Проблема «доказательственной экспозиции» до судебной оценки

В коррупционных делах особенно распространена презентация возможных предметов взятки, денежных средств, аудио/видео материалов, иных фактических данных до их процессуальной проверки в судебном заседании. Формально такие материалы могут подпадать под запрет разглашения данных предварительного расследования, а также затрагивать режим персональных данных и частной жизни. Однако отсутствие специального процессуального режима публичного информирования создает нормативную неопределенность: часть сведений публикуется под видом официального

сообщения, хотя по сути является демонстрацией элементов доказательственной базы, способной формировать предвзятость [7, с. 115; 11, с. 212-214; 18, 570].

3) Проблема эффективности уголовно правового запрета разглашения данных предварительного расследования

В ст. 310 УК РФ ответственность связывается с предупреждением лица о недопустимости разглашения. В научной литературе обращается внимание на сложности применения данной нормы и на необходимость уточнения ее элементов, в том числе с учетом современных коммуникационных каналов и типичных субъектов утечек [5, с. 270; 11, с. 212-214; 18, с. 570]. В делах коррупционной направленности, где публичности придается повышенное значение, эти сложности проявляются острее: утечка может происходить не столько через участника, предупрежденного о неразглашении, сколько через институциональные каналы либо через должностных лиц, действующих в логике общественной отчетности, что не всегда прямо охватывается конструкцией ст. 310 УК РФ в ее текущем виде.

4) Проблема коммуникативной реабилитации

Реабилитация в уголовном судопроизводстве предполагает восстановление прав и компенсацию вреда при незаконном или необоснованном преследовании. Вместе с тем медийный репутационный след может сохраняться и после оправдания либо прекращения уголовного дела по реабилитирующим основаниям, поскольку правовые механизмы распространения сведений о реабилитирующем исходе существенно слабее механизмов распространения первичной «обвинительной новости». На уровне действующего регулирования отсутствует процессуальный инструмент, который бы обязывал инициатора официального сообщения обеспечить сопоставимую публичность последующей реабилитирующей информации. Это приводит к асимметрии коммуникаций, несовместимой с реальным содержанием презумпции невиновности как гарантии не только судебной, но и социальной справедливости [8, с. 55].

Концепция процессуально коммуникативной нейтральности и предложения по совершенствованию законодательства

Значимость предлагаемого подхода заключается в обосновании принципа процессуально-коммуникативной нейтральности как производного от презумпции невиновности. Содержание принципа предлагается формулировать следующим образом: любая публичная коммуникация государства о конкретном лице в связи с коррупционным уголовным преследованием до вступления приговора в законную силу должна быть нейтральной по отношению к выводу о виновности и не может содержать элементов доказательственной экспозиции, обесценивающих судебную стадию установления виновности.

Из данной концепции следуют предложения.

Целесообразно дополнить УПК РФ специальной нормой – ст. 161.1 УПК РФ «Публичное информирование о ходе расследования», где закрепить:

исчерпывающий перечень допустимых предметов сообщения (например, факт возбуждения уголовного дела, избрание меры пресечения, предъявление обвинения – без детализации доказательств);

обязательную формулу статуса («подозревается», «обвиняется», «дело расследуется») и прямое указание на отсутствие вступившего в силу приговора;

запрет на публикацию материалов, идентифицируемых как элементы доказательственной базы, если это не обусловлено необходимостью розыска, предупреждения преступлений либо иными прямо указанными законом целями;

специальные правила защиты персональных данных и изображения лица до судебного решения.

Такое регулирование позволит вывести значимую часть практики официальных медийных сообщений из серой зоны между гласностью и разглашением данных предварительного расследования, одновременно усилив правовую определенность для СМИ (как адресатов официальной информации) и для органов расследования.

С учетом выявленных дефектов предлагается рассмотреть введение квалифицированного состава в ст. 310 УК РФ, посредством которого будет предусматриваться ответственность должностного лица, которое:

разглашает данные предварительного расследования посредством официальных коммуникационных каналов с выходом за пределы допустимого информирования;

организует либо инициирует утечку данных (в том числе через третьих лиц), если это повлекло существенное нарушение прав лица на презумпцию невиновности и (или) иные конституционные права.

В целях симметрии публичных коммуникаций предлагается закрепить на уровне УПК РФ обязанность органа, впервые распространившего официальную информацию

о преследовании, опубликовать сообщение о реабилитирующем исходе (оправдание; прекращение по реабилитирующим основаниям) в сопоставимом объеме охвата и в разумный срок. Основанием может служить судебный акт либо постановление о прекращении по реабилитирующим основаниям; форма – официальный ресурс и/или официальный аккаунт, где ранее размещались сведения. Данное предложение направлено на коррекцию государственной коммуникационной асимметрии, которая наиболее остро проявляется в коррупционных делах из-за их общественного резонанса.

Выводы по результатам проведенного исследования

Презумпция невиновности в российском уголовном праве и уголовном процессе обладает не только доказательственным, но и коммуникативным измерением: публичные заявления и официальные сообщения, предрешающие виновность, функционально подрывают конституционную гарантию, несмотря на то, что не являются судебным актом.

В коррупционных делах риск нарушения презумпции невиновности через медийное освещение повышен вследствие устойчивого общественного запроса на демонстративную публичность антикоррупционных мер и институциональной практики официальных коммуникаций.

Действующее регулирование (ст. 161 УПК РФ, ст. 310 УК РФ, информационное и медийное законодательство) не образует самостоятельного процессуального режима публичного информирования, что порождает правовую неопределенность, формирование обвинительной коннотации медийных сообщений и практику доказательственной экспозиции до суда.

Оптимальным направлением совершенствования законодательства является введение в УПК РФ специальной нормы о публичном информировании, установление нейтрального стандарта языка и запретов на предрешение виновности, а также развитие уголовно-правовых механизмов ответственности за разглашение, ориентированных на фактические источники утечек, включая должностных лиц. Дополнительно необходим процессуальный механизм коммуникативной реабилитации, обеспечивающий симметрию официальных сообщений при реабилитирующих исходах.

Список литературы:

[1] Указание Генпрокуратуры России № 503/11, МВД России № 1 от 28.07.2025 «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности» [Электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_517620/

[2] European Court of Human Rights. Allenet de Ribemont v. France, Judgment of 10 February 1995 (Application no. 15175/89) [Электронный ресурс]. // Режим доступа: https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22itemid%22:[%22001-57914%22]}

[3] Башинская И. Г. Проблемы взаимодействия органов, осуществляющих предварительное расследование, со средствами массовой информации // Общество и право. 2023. № 4 (86). С. 58-61.

[4] Вилкова Т. Ю. Принцип гласности уголовного судопроизводства: история, современность, перспективы : монография. М. : Юрайт, 2024. 286 с.

[5] Горячев М. С. Обеспечение охраны права на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну при производстве следственных действий // Вопросы российского и международного права. 2022. Том 12, № 4А. С. 267-278.

[6] Даваев Э. В., Адьяева Б. А., Катнанова Б. В. и др. Отдельные вопросы взаимодействия судебной власти и СМИ в Российской Федерации // Аграрное и земельное право. 2023. № 3 (91). С. 50-52.

[7] Есина А. С., Блинова Е. В. Неразглашение данных предварительного следствия: проблемы правоприменения и вопросы толкования // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 3. С. 113-117.

[8] Истиховская М. Д. Проблемы реализации конституционного права на презумпцию невиновности в публичных выступлениях должностных лиц при осуществлении уголовного судопроизводства // Образование. Наука. Научные кадры. 2020. № 1. С. 50-55.

[9] Костенюк Е. А. Полисемантичность понятия гласности и его сущностные аспекты проявления в уголовном судопроизводстве Российской Федерации // Закон и право. 2022. № 5. С. 178-182.

[10] Малина М. А. Презумпция невиновности – одна из ключевых гарантий воплощения нравственных начал в российском уголовном процессе // Российский судья. 2024. № 4. С. 24-29.

[11] Маресина М. А. Некоторые проблемы квалификации преступлений против правосудия, совершаемых адвокатами // Вестник экономики и права. 2021. № 59. С. 207-216.

[12] Марковичева Е. В. Влияние информационных технологий на систему

гарантий прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства // Правосудие. 2025. Т. 7, № 3. С. 162-178.

[13] Марковичева Е. В., Рябинина Т. К. Гласность судебного разбирательства по уголовным делам: баланс публичных и частных интересов // Правосудие. 2024. Т. 6, № 4. С. 132-150.

[14] Маслов В. А. Криминологическая обоснованность внесения изменений в уголовный закон: использование статистики и роль средств массовой информации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 1. С. 120-126.

[15] Матвеев И. В. Соотношение понятий коррупционного преступления и преступления коррупционной направленности // Российский юридический журнал. 2021. № 3 (138). С. 70-78.

[16] Министерство иностранных дел Российской Федерации: О выходе России из Совета Европы (справочный материал) [Электронный ресурс] // URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/1834254/

[17] Новиков О. А., Кравченкова Е. В. Материальные и процессуальные гарантии реализации принципа презумпции невиновности // Вопросы государства и права. 2024. № 4 (7). С. 60-73.

[18] Павлычев М. М. Законодательные парадигмы в механизме уголовной политики России первой четверти XXI века // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15, № 2А. С. 563-575.

[19] Репецкая А. Л. Российский криминальный рынок коррупционных услуг: современная характеристика и противодействие // Академический юридический журнал. 2024. Т. 25, № 4. С. 632-639.

[20] Смирнов А. В. О процессуальных гарантиях прав обвиняемого и подозреваемого при прекращении уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям // Российское правосудие. 2024. № 11. С. 76-85.

[21] Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Данные судебной статистики по делам коррупционной направленности за 2024 год и первое полугодие 2025 года [Электронный ресурс] // URL: https://cdep.ru/?id=79

[22] Цыцюра М. П. Процессуальные особенности расследования должностных преступлений коррупционной направленности // Вестник Института права Башкирского государственного университета. 2024. Т. 7, № 2 (22). С. 124-133.

References:

[1] Directive of the Prosecutor General's Office of Russia No. 503/11, Ministry of Internal Affairs of Russia No. 1 dated 28.07.2025 " On the introduction of lists of articles of the Criminal Code of the Russian Federation used in the formation of statistical reporting" [Electronic resource]//URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_517620/

[2] European Court of Human Rights. Allenet de Ribemont v. France, Judgment of 10 February 1995 (Application no. 15175/89) [Online] .//Access Mode: https://hudoc.echr.coe.int/eng # {%22itemid%22:[%22001-57914%22]}

[3] I. Bashinskaya Problems of interaction of bodies carrying out preliminary investigation with mass media//Society and law. 2023. № 4 (86). S. 58-61.

[4] Vilkova T. Yu. The principle of publicity of criminal proceedings: history, modernity, prospects: monograph. M.: Yurayt, 2024. 286 pp.

[5] Goryachev M.S. Ensuring the protection of the right to privacy, personal and family secrets in the course of investigative actions//Issues of Russian and international law. 2022. Volume 12, No. 4A. S. 267-278.

[6] Davaev E.V., Adyaeva B.A., Katnanova B.V. and others. Separate issues of interaction between the judiciary and the media in the Russian Federation//Agrarian and land law. 2023. № 3 (91). S. 50-52.

[7] Yesina A. S., Blinova E. V. Non-disclosure of preliminary investigation data: problems of law enforcement and interpretation issues//Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. № 3. S. 113-117.

[8] Istikhovskaya M.D. Problems of exercising the constitutional right to the presumption of innocence in public speeches of officials in the implementation of criminal proceedings//Education. Science. Scientific cadres. 2020. № 1. S. 50-55.

[9] E. Kosteniuk Polysemancy of the concept of publicity and its essential aspects of manifestation in criminal proceedings of the Russian Federation// Law and Law. 2022. № 5. S. 178-182.

[10] M.A. Malina The presumption of innocence is one of the key guarantees of the embodiment of moral principles in the Russian criminal process//Russian judge. 2024. № 4. S. 24-29.

[11] Maresina M. A. Some problems of qualification of crimes against justice committed by lawyers//Bulletin of Economics and Law. 2021. № 59. S. 207-216.

[12] E.V. Markovicheva The influence of information technology on the system of guarantees of the rights and legitimate interests of participants in criminal proceedings//Justice. 2025. T. 7, NO. 3. S. 162-178.

[13] Markovicheva E.V., Ryabinina T.K.

Publicity of criminal proceedings: balance of public and private interests//Justice. 2024. T. 6, NO. 4. S. 132-150.

[14] V. Maslov Criminological validity of amendments to the criminal law: the use of statistics and the role of the media//Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. № 1. S. 120-126.

[15] I.V. Matveev Correlation between the concepts of corruption crime and corruption-related crime//Russian Law Journal. 2021. № 3 (138). S. 70-78.

[16] Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation: On Russia's withdrawal from the Council of Europe (reference material) [Electronic resource]//URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/1834254/

[17] Novikov O. A., Kravchenkova E. V. Material and procedural guarantees for the implementation of the principle of the presumption of innocence//Issues of state and law. 2024. № 4 (7). S. 60-73.

[18] M. Pavlychev Legislative paradigms in the mechanism of criminal policy of Russia in the first quarter of the XXI century//Issues of Russian and international law. 2025. Volume 15, No. 2A. S. 563-575.

[19] A. L. Repetskaya Russian criminal market of corrupt services: modern characteristics and counteraction//Academic Law Journal. 2024. VOL. 25, NO. 4. S. 632-639.

[20] A. V. Smirnov On procedural guarantees of the rights of the accused and the suspect when the criminal prosecution is terminated on non-rehabilitating grounds//Russian justice. 2024. № 11. S. 76-85.

[21] Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation. Data from judicial statistics on corruption cases for 2024 and the first half of 2025 [Electronic resource]//URL: https://cdep.ru/?id=79

[22] M.P. Tsytsyura Procedural features of the investigation of corruption-related malfeasance// Bulletin of the Institute of Law of Bashkir State University. 2024. T. 7, NO. 2 (22). S. 124-133.

